

Вырезка из газеты

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕРМЬ

г. Пермь

5 DEC 1977

ПЕСНИ, ЗАСТАВЛЯЮЩИЕ ДУМАТЬ

Послесловие к концерту

ный. Он слаб, он с трудом произносит фразы, но и за этими фразами чувствуешь былую мощь государя, давящую на Руси всяческое вольнодумие.

Импровизационная артистичность Елены Камбуровой, дополняя богатую пластичность голоса и неистовый темперамент, помогает певице оживать поэтические образы, творить на сцене свой театр, где каждая песня — глава из спектакля о вере в победу разума, добра, света над тупостью, жестокостью, темнотой.

Но если в главном — в своих идеалах — Елена Камбуrowa остается верной себе прежней, знакомой нам по первому приезду в Пермь, то образ героя, создаваемого певицей, заметно изменился. Прежде всего он повзрослел, не столько внешне, сколько внутренне. Это уже не полуподросток-полуноша, с максималистским отрицанием полутон, страстно желающий и еще не умеющий понять себя, людей, мир. Это вполне зрелый человек, уже не только задающий вопросы, а и утверждающий свое понимание жизни. Поэтому даже произведения из прежнего репертуара Камбуровой сделаны ею по-новому, иначе они не были бы органичны в контексте этого концерта.

В заключение хочется с сожалением сказать об одном очень огорчительном обстоятельстве: на концерты Елены Камбуровой смогли попасть далеко не все, кто знает и любит ее песни и кто мог бы узнать и полюбить их. Дело в том, что, во-первых, афиш о предстоящих выступлениях было еще меньше, чем в прежний приезд артистки; во-вторых, все имеющиеся афиши были распространены только в тех двух районах, где состоялись концерты, — Индустриальном и Кировском. Жители же центральных районов города могли узнать о приезде Камбуровой лишь по случайной случайности. Об этом стоит подумать работникам областной филармонии.

И. КИЗИЛОВА.

На снимке: поэт Елена КАМБУРОВА.

Фото А. Зернина.

Второй раз пермяки встретились с искусством Елены Камбуровой. Впервые она приехала в наш город шесть лет назад, и те несколько концертов, весьма скромно афишированных, оставили глубокий след не только в душах тех, кто знал пение Камбуровой раньше, но и тех, кто только-только познакомился с ним. Было бы неверным утверждать, что артистка умеет завоевывать сразу всех слушателей. В любом концертном зале оказывается часть зрителей, как бы «попавших не на тот поезд».

«Попавшими не на тот поезд» в концерте Камбуровой оказываются прежде всего те, кто воспитан на песнях, не требующих от слушателей определенного труда при их восприятии. На тех песнях, где за красивыми словами, за модными ритмами и обкатанными сюжетами прячется пустота. Камбуrowa не может, да и не хочет удовлетворять эти вкусы. Она обращается к залу, веря в его желание и способность думать о том же, о чем думается ей, болеть теми же болями, задаваться такими же вопросами. От этого ее пренебрежение внешней атрибутикой. От этого — отказ от заигрывания с залом, каким бы он ни был: залом ли заводского Дворца культуры или филармоническим.

Как и в прошлый приезд, Камбуrowa начинает концерты со сложнейшего вокализа. Такой зачин не только настраивает слушателей на определенный лад, он как бы предупреждает тех, кто еще не знаком с искусством певицы: простоты в смысле упрощенности, легкости не будет. Она берет в свой репертуар только те песни, где поэзия столь высока, что ее не может оттеснить на второй план даже самая усложненная мелодия. А высокая поэзия немислима без высокой мысли. Авторы стихов ее песен — Жак

Превьер и Пабло Неруда, Юрий Левитанский, Давид Самойлов и Булат Окуджава, Лермонтов, Цветаева и Маяковский..

Маяковский появился в репертуаре Камбуровой недавно. До сих пор мы знали, пожалуй, только одну песню на стихи этого поэта — набатный «Левый марш». Но ведь Маяковский умел быть и проникновенным, тонким, как мелодия скрипки. Два его произведения в концерте Камбуровой — настоящее открытие.

Камбуrowa одновременно и режиссер-постановщик своих песен, и прекрасный актер-импровизатор. Голос певицы — лишь составная часть действия,

которое происходит на сцене. Вспомним хотя бы никитинскую песню «Смерть Ивана Грозного». За несколько минут Камбуrowa создает около десятка образов, с четко очерченными характеристиками. Вот испуганные бояре с однотонными, «зажатыми» голосами и движениями, сожалеющие, что царь уж не в силах «встать да погонять их». Вот звонарь — по всему молодой парень, ликующий и от собственных жизненных сил, и оттого, что звонить наконец-то можно вволю, и от надежд на какие-то перемены: ведь царь умирает, а что если вообще без царей... А вот и сам Иван Гроз-